

Сведения о родителях, к сожалению, весьма скудны и основаны, главным образом, на случайно сохранившихся разрозненных справках и документах. Объективных свидетельств людей, близко их знавших и способных дать представление об их человеческих качествах, практически нет. Особенно это касается отца, который был

С. К. Турицын. 1907-1908 гг. В барчатке, которая в 1943 г. в какой-то мере защитила меня от ножа грабителей.

арестован в апреле 1932 года. Поэтому, в ряде случаев, при изложении буду опираться на свои детские, не всегда, возможно, достоверные в деталях воспоминания.

Отец, Сергей Константинович Турицын, родился 13 июля 1995 г в городе Иркутске, в семье Турицына Константина Павловича, в то время

доверенного (управляющего) купца Фоминского. Рос в большой дружной семье, будучи единственным братом 7

С.К. Турицын. Студент. 1920-25 гг.

сестер. Довольно поздно поступил учиться в ВУЗ, что

удивительно для семьи, в которой все дети получили высшее образование. Возможно, это связано со службой в армии во время 1-ой мировой войны. Об этом я, как свидетельствуют смутные воспоминания, слышал от кого-то из теток, всю свою жизнь с большой нежностью вспоминая безвременного сгинувшего брата. Кроме того,

Сергей Константинович Турицын. Начало 1930-х годов. Инженер треста Лензолото.

по рудничной специальности и получил звание Горного Инженера. Тогда это звание писалось с большой буквы. Интересно, что во время учебы с 11 июня 1924 г. по 13 сентября этого же года проходил производственную практику в Черемхово у В.Д. Мишарина. Бывал у них в семье и сохранил об этом добрую память. Об этом он написал в своем письме из Воркуты 30.07.34. " Я очень хорошо помню и только с хорошей стороны знаю Виталия Дмитриевича. Я помню, у них был, когда я был в Черемхово. У него было 5 человек ребят, кажется все девочки, но все тогда были очень маленькие и я не помню ни одного имени".

С сентября 1925 года работает в тресте Лензолото. В 1932 г. занимал должность зам. главного инженера треста. Об этом этапе его жизни практически ничего не известно. Единственное свидетельство обнаружил мой сын Андрей. В маленькой заметке в газете "Ленский рабочий" за январь - февраль 1932 г. написано, что на собрании рабочих выступил инженер Турицын С.К., не член союза по занимаемой должности, который резко критиковал компанию Ленаголдсфилд за хищническую эксплуатацию россыпей.

23 марта 1929 г. вступил в брак.

7 апреля 1932 г. отец был арестован и этапирован в Иркутскую пересыльную тюрьму. Об истинных причинах ареста можно только догадываться. Это могло быть связано с поиском предлога для расторжения договора на концессию с Ленаголдсфилдс. А может быть и с привлечением горных инженеров на принудительные работы в отдаленных районах, в связи с началом освоения северных месторождений. В последующие годы примеров подобной "мобилизации" специалистов более чем достаточно.

Родители

4 апреля 1933г., находясь в Бутырской тюрьме, был приговорен к 5 годам концлагерей и направлен в Воркуту. В 1934 г. был переведен на Печору. В 1935 году был затребован на Колыму, как специалист по золоту. С этого года работал горным инженером в Северном Горном Управлении на прииске Хатанах(?). 27 февраля 1938 г. постановлением тройки УНКВД по Дальстрою был осужден вторично. Вполне вероятно, что повторное осуждение могло быть связано с отказом отца продолжить работу в качестве вольнонаемного в связи с окончанием срока заключения. Его труд оплачивался, и он посылал денежные переводы. Последний перевод от него был в ноябре 1937 г. Как раз в это время была арестована мама. В областном архиве, в делах М.В. Одинцова, сохранилось последнее письмо отца бабушке К.П. Турицыну, датированное 10 ноября 1938 г. (переписано О.В. Одинцовой) " ...Предполагаю посылать ежемесячно для Котика. Желудок мой выправляется, ем все кроме солонины. Вынужденное вегетарианство излечило мою болезнь. Особенно - капуста. Люка очень удачно(?) приехала. Больше двух лет я ни с кем не виделся. Люка здесь во время свидания все время работала зубным врачом, многие меня благодарили. Целый месяц жили в отдельной палатке на руднике. Сейчас приехал ее провожать, получил отпуск на 4 дня. У Миши увез книгу, пусть особенно меня не ругает. Она пригодилась и пригодится еще в будущем". Судя по тексту письма, оно не может быть датировано 10.11.38, поскольку с 1935 г. он находился уже на Колыме, а мама туда не ездила. Кроме того, в это время мама уже была арестована. Об

этом же говорит и свидетельство отца о том, что он никого из близких не видел более двух лет. Вероятнее речь идет о письме из Воркуты от 30.07.34. Я смутно помню о том, что меня маленького мама оставляла у кого-то из своих знакомых на довольно длительный срок, а сама уезжала. Жили мы тогда в Подмосковье. Позднее она рассказывала об этой поездке. По ее словам, она приехала в Архангельск, затем на ледоколе добралась до какого-то поселка (или деревни), купила (или арендовала) лошадь, на которой прискакала в лагерь (или рудник), произведя огромное впечатление на лагерное начальство. Отец в это время был в опале, так как отказался руководить людьми, умирающими от голода. Он потребовал улучшить питание заключенных, работающих в забое. Так как это было вызовом начальству, его отправили в карцер. Приезд мамы способствовал "реабилитации" отца. Однако в ее судьбе эта поездка сыграл, по-видимому, роковую роль. Скорее всего, после ее отъезда лагерное начальство доложило по инстанции о ее встрече с отцом и в 1937 г. за связь с "врагом народа" она была арестована.

После смерти деда в 1939 г отец уже никому не писал. Умер он 9 марта 1941 г. на Колыме от болезни сердца, как было записано в свидетельстве о смерти (Св. 019601). К сожалению, оно у меня не сохранилось, хотя и было выслано в Ангарский гор ЗАГС в феврале 1959 г. Не исключено, что я его отправил матери для оформления ее прав. 9 декабря 1958 г. военным трибуналом Забайкальского военного округа дело по обвинению отца было пересмотрено, постановление от 4 апреля 1933 г. отменено, дело прекращено, а гр. Турицын С.К. реабилитирован. Еще раньше, 26 декабря 1957 г., Президиумом Магаданского областного суда постановление тройки УНКВД по Дальстрою от 27 февраля 1938 года в отношении отца было отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. В 1959 г. мать получила, в порядке компенсации за отца, трехмесячный оклад, на который купила отрез на костюм для меня.

Каким-то чудом сохранилось 13 его записок маме из Иркутской тюрьмы. Хотя в них он не мог всего писать и, в основном, их содержание связано с передачами, которые мама готовила ему, записки дают некоторое представление о человеческих качествах отца. Практически во всех них сквозит его трогательная забота обо мне, боязнь доставить лишние хлопоты и денежные затраты близким людям. И это в его положении. Поэтому я счел возможным привести выборочное содержание их всех. Первая записка датирована 7 июля 1932 г. Написана чернилами. Привожу полностью.

" Люкаша.

Очень рад, что ты выехала из Бодайбо. Беспокоит здоровье Котика. Если будешь мне передавать передачу, пожалуйста, не посылай ничего лишнего, передай ржаного хлеба, немного сахара и чаю. Я здоров, чувствую себя вполне удовлетворительно. Целую крепко тебя и Котьку. Не беспокойся очень. Твой Сергей".

" Ты у меня просто клад, а не жена, но все-таки тебя следует отругать за передачу. Я думаю, что тебе, наверное, сейчас очень туго приходится и, пожалуйста, не урезай Котьку и себя. Я забыл тебе написать, что мне нужно. стакан или какую-нибудь чашку, ложку, полотенце, пару белья, носки, махорочной бумаги. Меня очень беспокоит Котька. Этот нарыв, мне кажется, что-нибудь серьезное. Интересно как ты устроилась и удобно ли у наших. Я даже не знаю, кто у нас живет, кто дома. Я чувствую себя хорошо, удовлетворительно и ты особенно не беспокойся. Ну, Люканочка, целую тебя крепко, поцелуй Котьку и постарайся его пропарить на июльском солнце. Передай привет всем нашим. Твой Сергей.

10.07.32 "

" Пользуюсь случаем тебе написать. Я здоров, чувствую себя хорошо, после передачи отъелся и откурился. Люканочка не передавай мне, пожалуйста, деликатесов, не стесняйся чего-нибудь попроще, хорошо бы луку зеленого. Как интересно ты живешь у наших и что поделяешься, как Котька. Я тебе написал, что бы ты мне передала пару белья, а потом узнал, что ты приехала без багажа, так ты не беспокойся, у меня есть одна

пара чистая. Как, интересно, ты устроилась с багажом. Наверное, все бросила. Ну, пока всего лучшего. Целую тебя крепко и Котьку. Твой Сергей.

14.07.32 "

Дальше идут записки написанные карандашом на маленьких четвертинках бумаги.

" ... на больничный паек я не переведен. Деликатесов не посылай, денег то у тебя, наверное, нет, так не держи их зря. Книг уже не прошу, очевидно, ты их не можешь достать. У меня ничего нового нет ... "

" ... Мне особенно ничего не надо. Пошли хлеба, луку, соли и, если можно, немного сахара и чая, курительной бумаги...

31.07.32 "

" ... Не посылай мне так много скоропортящихся продуктов. Я не в состоянии их съесть в 2-3 дня. Они портятся, я все равно ем, и у меня болит живот. Не посылай табаку, хватит. Не забудь спичек, курительной бумаги. Я чувствую себя сносно, начинаю привыкать к одиночке. Пошли карандаш, писчей бумаги немного...

08.08.32 "

" Как ты живешь, и не объедаю ли я Котьку? Цыплят и куриц я ем просто с болью в сердце, и с удовольствием бы возвратил обратно, если б была какая-нибудь возможность это сделать. Поэтому не посылай мне такого, что прекрасно съест Котька и ты сама. Жду с нетерпением свидания или даже передачу, чтобы узнать, почему ты не пришла. Недоразумение? ... 16.08.32 "

" ... Меня очень беспокоит, что с Котькой, если он в больнице, значит очень серьезно, и главное ты не пришла на свидание, и до сих пор его мне не дают. Люкаша, я все-таки на тебя немного сержусь за твои передачи. Почему не посылаешь ржаного хлеба? Пшеничный быстро черствеет, делается невкусным и быстро зацветает. Будь добренькой и посылай мне ржаного. Яиц не посылай больше десятка, а котлет больше шести - быстро портятся. Пошли, пожалуйста, курительной бумаги. Не забудь. Если забудешь, тогда лучше не посылай табаку и папирос. Я получил с момента свидания только 3 листа и принужден курить газетную бумагу из под котлет, жирную. Также не забудь спички. Если можно, то - редьку, репу. Ну, будь здорова, моя девочка, сильно не отчаивайся. Крепко тебя целую, поцелуй крепко Котьку и напиши, что было с ним откровенно. Кланяйся нашим. Твой Сергей.

23.08.32 "

" Люканочка, ты послала мне роскошную передачу. Каша была замечательная. Если можно, посылай кашу. Матрас прекрасен, боюсь, что ты на него потратила (деньги), необходимые на что-либо другое. Можно было что-либо попроще. Пошли репы, соли, табаку (весь вышел), листа 3 курительной бумаги. Спички есть. Конечно, хлеба. Я живу сносно, без всяких перемен. Жду с нетерпением известий о здоровье Котика. ... 16.09.32 "

" ... посылаю три книги: Юность, Ребра, Победенные боги. ... Продуктов мне хватает вполне. Не посылай масла, еще осталась половина, так же морковь. Пошли, если можно махорки. Книг технических мне дали, пока хватит. Если трудно доставать, особенно не старайся. Мне объявили, что следствие закончено, наверное, скоро будет свидание. Люканочка, ты особенно не беспокойся. Я чувствую себя в хорошем настроении, только долго кажутся эти восемь дней. Я будто бы давно не получал от тебя весточку. Не забывай писать о Котике. Начинает ли вставать, ходит ли... 16.10.32 "

" ... пошли мне иголку, черных ниток и каких-нибудь пуговиц к шубе, а так же заплатку на коленку к брюкам. Я очень рассердился и старался себя убедить в том, что это сделано не нарочно, когда я получил шапку и шубу без единой пуговицы. Я пока их не ношу. Шапка маловата, но носить можно (возмущен твоей бессмысленной расточительностью). Я живу пока в прежнем положении, новостей никаких нет, в ожидании дальнейших событий. Продуктов хватает, маковый рулет был очень вкусен. Люканочка, милая, меня очень угнетает, что ты разоряешься на передачи и шикаешь. А я

не знаю, когда это все кончится... Поцелуй Котику ручки и ножки, пускай хорошенько бегает. ... 16.11.32

Увы, скоро уже декабрь! Не откажусь от книг".

" ... посылаю две книги: Вязальщиков(?) и Геология Тянь-Шаня. ... С сегодняшнего числа меня зачислили на больничный паек, так что ты можешь мне посылать меньше. Хлеба все-таки немножко посылай. Книгу Анкерта(?) получил, очень благодарен. Книга очень интересная и полезная. Я живу, все в том же положении, никаких новостей нет. Временами только наваливается тоска, стараюсь с ней бороться гимнастикой, в особен-ности в последнее время. Почему-то не дают свидания. Люкаша, не забудь послать иголку и ниток (конечно, не белые), а то я скоро буду ходить с одной гачей. Брюк не посылай. Я прекрасно зашью, так что не будет видно заплатку. Не посылай рыбы. Ты, наверное, израсходовалась до самой последней степени. Как ты живешь, не представляю. Ну, будь здорова, моя милая, дорогая жена. Крепко тебя целую. Котика поцелуй и подери (тихонько только) за ухо, чтобы не шалил. Кланяйся нашим. Твой Сережа. 25.11.32. "

Конец 1931 г. начало 1932 г.

Благодарю тебя за иголку и нитки. Очень они мнегодились. Получаю больничный паек... Сижу все по-прежнему, никаких перемен и никаких известий. Не знаю, что думать и почему-то второй месяц даже не дают свиданий. Интересно, как ты живешь. Ведь ты должна промотаться до конца. Как у тебя отношения с домашними и, вообще, что ты думаешь делать дальше. Напиши о своем положении. Ну, до свидания, надеюсь до скорого, моя дорогая Люкаша. Целую тебя крепко, целую Котика, кланяйся нашим. Твой Сережа. 02.12.32 "

Это последняя его записка из тюрьмы. Видно как постепенно меняется его самоощущение. Бодрость тона первых записок сменяется в последних наплывами тоски, с которыми он борется всеми силами. Даже те ограниченные материалы, которые мне удалось собрать, свидетельствуют о том, что отец был незаурядным работником, который за несколько лет прошел путь от рядового инженера на прииске до должности зам. главного инженера такого крупного треста как Лензолото. Даже находясь в тюрьме и в лагере, он продолжал изучать специальную литературу, будучи уверенным в том, что ему придется и в заключении трудиться по специальности. Ему свойственен альтруизм и скромность в личных требованиях. Он вскользь упоминает о своих болезнях, которые дают право на больничный паек. Его все время угнетает сознание того, что он питается в тюрьме лучше, чем мы с мамой.